

заказы учиниша, что теми медными денгами не торговати, и у многих многие тысячи в остатках учинишася. И те делаша в домовые потребы, всякие котлы и иные сосуды».³² Под 1663 г. в хронографе имеется еще одна заметка: «В тое ж время великаго бога изволение положи господь в сердце благочестивому и христоробивому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу благое, чтоб прекратить и престать медные денги делать и о сем великие и крепкие заказы учиниша во всей Роские земли всяких чинов людем, что ими не торговати, что много учинилось воровских людей и много душегубства».³³

И. Г. СПАСКИЙ

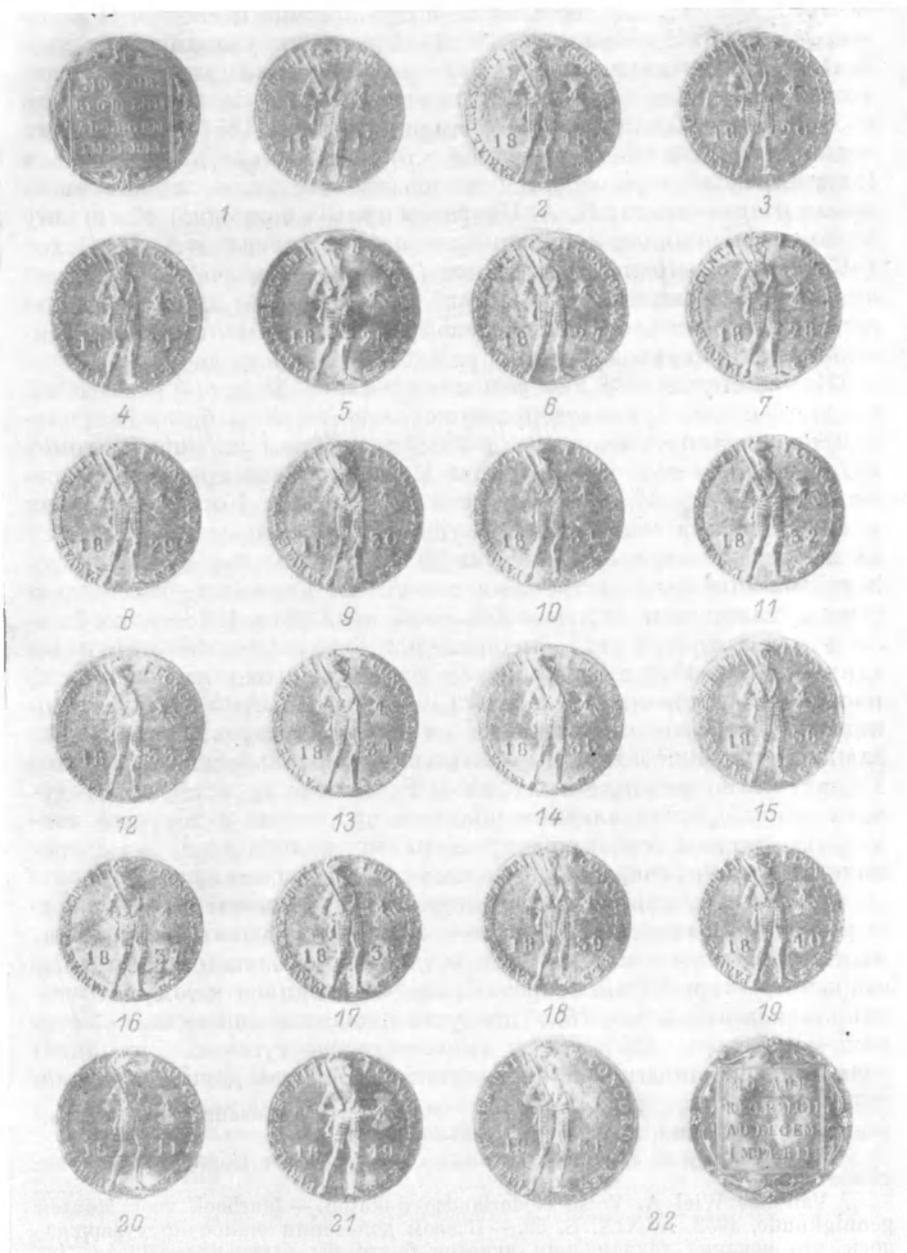
КОГДА И ДЛЯ ЧЕГО ВПЕРВЫЕ ЧЕКАНИЛИСЬ В ПЕТЕРБУРГЕ ГОЛЛАНДСКИЕ ДУКАТЫ?

Производившаяся в Петербурге по 1869 г. тайная чеканка голландских дукатов, не уступавших ни в пробе, ни в весе подлинным, — молодая тема русской нумизматики. До рубежа XIX—XX вв. никто не поинтересовался, почему после 1817 г., когда возобновился прерванный войной выпуск русской золотой монеты (полуимпериалов — пятирублевиков), в обращении рядом с нею присутствовали, постоянно нарастая в количестве, голландские дукаты, а казна из года в год широко использовала их в зарубежных платежах, особенно на Ближнем Востоке. Ими же выплачивалось жалованье войскам в дальних гарнизонах — на Кавказе, в Средней Азии и в Царстве Польском. Когда в 1849 г. в Утрехте чеканка дукатов временно приостановилась, в Петербурге перестали сменять даты на штемпелях и к 1860—1870-м годам дукатов с датой «1849» в обращении было больше всего (табл. I, 1—21).

Небольшие монеты с надписью «Concordia res parvae crescunt» и с изображением воина, испытующего прочность пучка стрел, сохраняли старинные названия для давно известного России дуката — *золотой*, а чаще *червонец* или *червонный*. В русской художественной литературе и документах XIX в. они относятся исключительно к этим монетам: ведь после павловского червонного — дуката 1799 г. — никакого другого *червонного* русский экономический быт не знал. (Единственный русский золотой номинал — пятирублевик — назывался полуимпериалом). После 1869 г. название «червонный» ненадолго оставалось за сменившим дукат золотым трехрублевым (по 1885 г.).

³² Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в., с. 87.

³³ Там же, с. 103.

Т а б л и ц а I. 1—21 — голландские дукаты петербургской чеканки 1817—1849 гг.; 22 — варшавский дукат 1831 г.

В народном языке червонные получили еще несколько «образных» названий; словарь В. И. Даля всех их уравнивает в значении с приведенными выше. Название *пучковый* свидетельствует, что раскрываемый латинским изречением из Саллюстия смысл изображения был правильно разгадан. 14 июля 1857 г. Т. Г. Шевченко записал в своем дневнике, что привезенное для гарнизона Новопетровского укрепления жалованье составлял мешок «целковых и *арапчиков*»; Н. А. Некрасов привел еще одно: «... шляпу полную *лобанчиков*, целковиков»; знал это слово и А. П. Чехов («Степь»). Еще одно специальное («кодовое») название — *известная монета* — было понятно только посвященным: им в обязательном порядке пользовались в делопроизводстве и отчетности Министерства финансов и Петербургского монетного двора.

Нумизматический интерес к «известной монете» возник запоздало, и для хранителей ведомственной тайны было неприятной неожиданностью, когда в 1888 г. в одном из первых томов издававшегося вел. кн. Георгием Михайловичем при непосредственном участии М. Г. Деммени и Х. Х. Гиля Корпуса русских монет¹ получил огласку неприятный дипломатический конфликт из-за этих монет, а они уже лет 20 не чеканились. В ноте, переданной министру иностранных дел А. М. Горчакову нидерландским посланником бароном Геверсом в августе 1868 г., сообщалось, что правительству Нидерландов достоверно известно о чеканке в Петербурге голландских дукатов и оно желает знать, продолжается ли она. При этом напоминалось, что Утрехтский монетный двор выполняет заказы на чеканку дукатов для всех, нуждающихся в них.² Нота могла быть и еще язвительнее: годом раньше Министерство иностранных дел в Гааге вместе с образцом дуката петербургской чеканки получило донесение о том, что поддельные дукаты особенно широко расходовались во время заграничных путешествий членов императорской фамилии.³

Можно представить себе растерянность Министерства финансов, когда ему пришлось безотлагательно оправдываться перед самыми высокими инстанциями и давать объяснения, выдавая старый-престарый свой секрет. Смысл их сводился к тому, что чеканка «известной монеты» предусматривается законом — «Уставом монетным» 1857 г. (в изложении, доступном пониманию только посвященных),⁴ производится же она так давно, что даже

¹ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Александра II. СПб., 1888, с. 113—114 и 130—132.

² Это обращение случайно совпало со «столетним юбилеем» этой чеканки.

³ Van der Wiel A. Valse Nederlandse dukaten. — Jaarboek voor Munten pennigkunde, 1952, XXXIX, S. 59. — В этом донесении ошибочно утверждалось, что чеканка голландских дукатов будто бы была прекращена Николаем I.

⁴ Ст. 63, § VII: «Кроме полуимпералов, в потребных случаях чеканятся из золота червонцы 94 пробы, полагая по 177½ в лигатурном фунте» (К а ш к а р о в М. Денежное обращение в России, т. I. СПб., 1898, с. 121).

нет никакой возможности «найти следы начала этого странного обычая».

В Нидерландах, напротив, соответствующие финансовые учреждения издавна немало знали о «странном обычае» Петербурга. Ревниво фиксируя «приливы» поддельной голландской золотой монеты в разные точки огромного ареала ее обращения, появление в середине XVIII в. волны таких подделок в Средней Европе и в городах Прибалтики, они, видимо, небезосновательно приписывали Варшаве, а переход инициативы к Петербургу впервые был отмечен около 1770 г., когда после стоянки в датских портах русской эскадры там осталась масса поддельных голландских дукатов и даже были отмечены откровенные рассказы на берегу офицеров эскадры о стотысячном грузе дукатов на ее борту.⁵

В конце XVIII в. и в самой России для ее деловых людей чеканка голландских дукатов в Петербурге тайны уже не составляла. В ноябре 1799 г. направлявшийся в Петербурге по делам мальтийского ордена аббат Жоржель, приехав в Вильно, сразу же узнал от местных менял, что в России в ходу голландские дукаты и что «русский император приказывает их чеканить».⁶ (Как раз Павел I, вступив на престол, приостановил их чеканку, но это уже частность). Через полтора десятка лет русская армия, прошагав через всю Европу и заглянув и в Нидерланды, оставила за собой золотой след — свои голландские дукаты: в Петербурге все золото перedelывалось в них. Впрочем, русское командование даже заказывало дважды их чеканку в 1814 и 1815 гг. в Утрехте,⁷ что могло как-то маскировать обилие дукатов у русских.

Не удивительно, что в 1831 г., когда Варшавский монетный двор оказался в руках восставших, имевшееся там золото перedelывалось тоже в голландские дукаты, как наиболее привычную и удобную монету. (Вполне вероятно, что администрации Монетного двора было известно о петербургской чеканке). Варшавские дукаты 1831 г. отличаются по миниатюрному польскому орлу в конце легенды лицевой стороны вместо знака утрехтского минцмейстера на голландских и петербургских дукатах (табл. I, 22).

Первым, кто после «скандальной» публикации 1888 г. прозорливо обратился к прошлому русских «лобанчиков» и разгадал их загадку, был Н. П. Лихачев. В рецензии 1897 г. на несколько новых томов Корпуса русских монет (Монеты Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II) он отметил выдающееся значение ряда опубликованных документов 1770 и 1795 гг. Их характерные формулировки в сопоставлении с данными самой монетной чеканки царствования Екатерины II не оставляли ни малейших сомнений в том, что в них говорится о чеканке голланд-

⁵ Van der Wiel A. Valse Nederlandse dukaten, II. — Jaarboek..., 1956, XLIII. S. 51—53.

⁶ Jeorgel, l'abbè. Voyage à Saint-Pétersbourg en 1799—1800. Paris, 1818. p. 134.

⁷ Van der Wiel A. Valse Nederlandse dukaten, II, s. 67.

ских дукатов. «Возникают вопросы, каким годом помечены голландские червонцы Екатерины II? Да и можно ли отличить русскую чеканку?»⁸

В 1898 г. появилась книга ранее читателям не известного автора — чиновника Министерства финансов К. К. Флуга о русских золотых монетах. Можно высказать догадку, что это компилятивное, но претендующее на солидность издание было выпущено ради четырех страничек в ее конце, трактовавших вопрос о голландских дукатах, поданный столь бесцеремонно по отношению к Министерству финансов автором первой публикации. Не вдаваясь в доказательства, Флуг утверждал, что начало чеканки голландских дукатов в России — дело императрицы Анны Иоанновны и относится к 1735 г.⁹ Предположение об определенной направленности этого сочинения, как кажется, подтверждается тем, что в вышедшем в 1901 г. новом томе Корпуса, посвященном как раз монетам Анны Иоанновны, Флуг никакого признания не получил и даже не упомянут!¹⁰

Существующие донные общепринятые представления о голландских дукатах русской чеканки восходят как к труду Флуга, так и к подготовленной между 1937—1941 гг. статье сотрудника Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа С. А. Розанова (1875—1941).¹¹ В заслугу последнему можно поставить желание шире опереться на памятники нумизматики. В этих целях он обратился на Монетный двор, выявил и описал там обширную серию штемпелей для чеканки голландских дукатов 1768—1849 гг., учтя и несколько уже не оказавшихся на месте, но упомянутых Х. Х. Гилем в одном из позднейших томов Корпуса.¹² Перечислил он и даты всех голландских дукатов русской чеканки, известных ему по собранию Эрмитажа и по Корпусу. Ни тогда, ни теперь не удалось выявить ни один петербургский дукат до 1817 г. Вероятно, они расходовались в основном вдали от России.¹³

В статье С. А. Розанова говорится о предпринимавшихся им поисках дополнительных архивных источников, но фактически он не только принял на веру все положения Флуга, но даже пренебрег ценнейшими документами, опубликованными в Корпусе

⁸ Лихачев Н. П. Русские монеты 1741—1796 годов. (Критическая заметка). СПб., 1897, с. 10—11.

⁹ Флуг К. К. О внешнем виде главнейших типов русской золотой монеты с изображениями 52 монет, приведением их веса, пробы и т. п. СПб., 1898, с. 32—34; см. также: Холодковский И. М. Лобанчики. — Старая монета, 1911, № 3, с. 34—37.

¹⁰ Монеты царствования имп. Анны Иоанновны. СПб., 1910, с. I—II.

¹¹ Розанов С. А. Золотые «лобанчики» (голландские червонцы русского чекана). — Гос. Эрмитаж. Труды Отдела нумизматики. 1945, т. I, с. 145—146.

¹² Монеты царствования имп. Николая I. СПб., 1900, с. VIII.

¹³ В настоящее время в эрмитажной коллекции голландских дукатов русской чеканки представлены образцы 1817, 1818, 1820, 1821, 1825, 1827—1841 и 1849 гг.

позже, после Флуга. Как и последнему, рецензия Н. П. Лихачева осталась С. А. Розанову неизвестной. Оба они не проявили никакого интереса к поиску причины, породившей «странный обычай».

Отправляясь на Монетный двор, С. А. Розанов не знал, что в кладовой Отдела нумизматики лежит неизвестного происхождения картон, обтянутый темно-зеленым сукном, с наклеенными рядами оловянных оттисков разных «иностранных» штемпелей Монетного двора: кроме 21 лицевого и 4 оборотных штемпелей голландских дукатов, там представлены еще 34 штемпеля начала XIX в. для чеканки копий турецких курушей, срочно потребовавшихся русскому военному командованию в ходе войны 1806—1812 гг.,¹⁴ да еще пара штемпелей так называемых «сребреников Иуды», которые, как оказывается, когда-то выделялись и в Петербурге. (Образцы чеканки ими имеются в Эрмитаже). Нескольким пятнам — следам отпавших оттисков, возможно, соответствуют отдельно сохранившиеся оттиски первых «образцовых» штемпелей для грузинских монет 1804 г. Тифлисского монетного двора.

Когда и для чего понадобилось Монетному двору «перетряхивать» свое хранилище старых штемпелей, выискивая любую «иностранину»? Для датировки картона собственные даты монет ничего не дают: по 1868 г. дукаты чеканились, как указывалось, штемпелем 1849 г. Есть основания предположить, что картон и был изготовлен как раз в 1868 г. в связи с поисками следов «странного обычая» и его причины, а в таком случае представляется наиболее вероятным, что картон поступил в Отдел нумизматики в 1917 г. из Канцелярии министра финансов по инициативе служившего там С. Н. Смирнова вместе с хранившимися там многие годы бывшими «секретными» оттисками штемпелей Константиновского рубля — без записи того и другого в книгу поступлений ввиду «малоценности» материала.¹⁵ Во всяком случае получается, что более ранних, чем 1768 г., штемпелей дукатов на Монетном дворе не было задолго до того, как ими заинтересовался Розанов (табл. II, 1—16).

Голландскую литературу о поддельных дукатах подытоживают две статьи А. ван дер Виля 1953 и 1956 гг. Публикуя первую, он был знаком только с резюме статьи С. А. Розанова. Материал голландского исследователя, архивный и монетный, позволял «засечь» появление русских подделок только около 1770 г. Присту-

¹⁴ Северова М. Б. Турецкие монеты, чеканенные на Петербургском монетном дворе. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1975, вып. 40, с. 77—82.

¹⁵ Ильин А. А. Рубль Константина. — В кн.: Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. Л., 1964, с. 102—103. — На картоне представлены датированные штемпели 1768, 1769, 1781, 1784, 1785, 1786, 1788, 1791, 1792, 1800, 1801, 1802, 1803, 1806 и 180. (без последней цифры), 1818, 1841 и 1849 гг., а также 4 оборотных штемпеля. Подбиравшего оттиски для таблицы позднейшие штемпели не интересовали. См. прим. 13.

пая к работе над второй статьей, он имел уже снимки оттисков эрмитажного картона и располагал и переводом названной статьи, из которой узнал о Флуге. Ему нетрудно было принять мнение двух русских авторов: по их данным, в правление Анны Иоанновны было отчеканено всего 12 764 дуката; при таком ничтожном количестве образцы чеканки голландских монет могли и не сохраниться!¹⁶

Скромные источники, которыми располагал Флуг, позволили ему получить названный итог, ничего не оставив для русских дукатов Анны 1730, 1738 и 1739 гг.! Розанов даже не воспользовался возможностью сравнить эти цифры с данными новых частей Корпуса, посвященных монетам Анны и Иоанна Антоновича... Чеканка только 1730—1739 гг. там составляет уже 78 719 дукатов,¹⁷ а особенно интересна табличка, озаглавленная «Коликое число в С.-Петербурге и в Москве на манетных дворах с 1731 года сделано червонных ... и при чьей дирекции, и какими портретами печатаны» (разрядка моя, — *И. С.*). Оказывается, что без чеканки Анны 1730 г. только «в дирекцию графа Головкина с 1731 года» количество «печатанных» с портретом Анны Иоанновны дукатов составляет 69 933 штуки.¹⁸ Отсюда следует, что, кроме русских портретных, никакие другие червонные в 1730—1740 гг. не чеканились ни в Петербурге, ни в Москве.

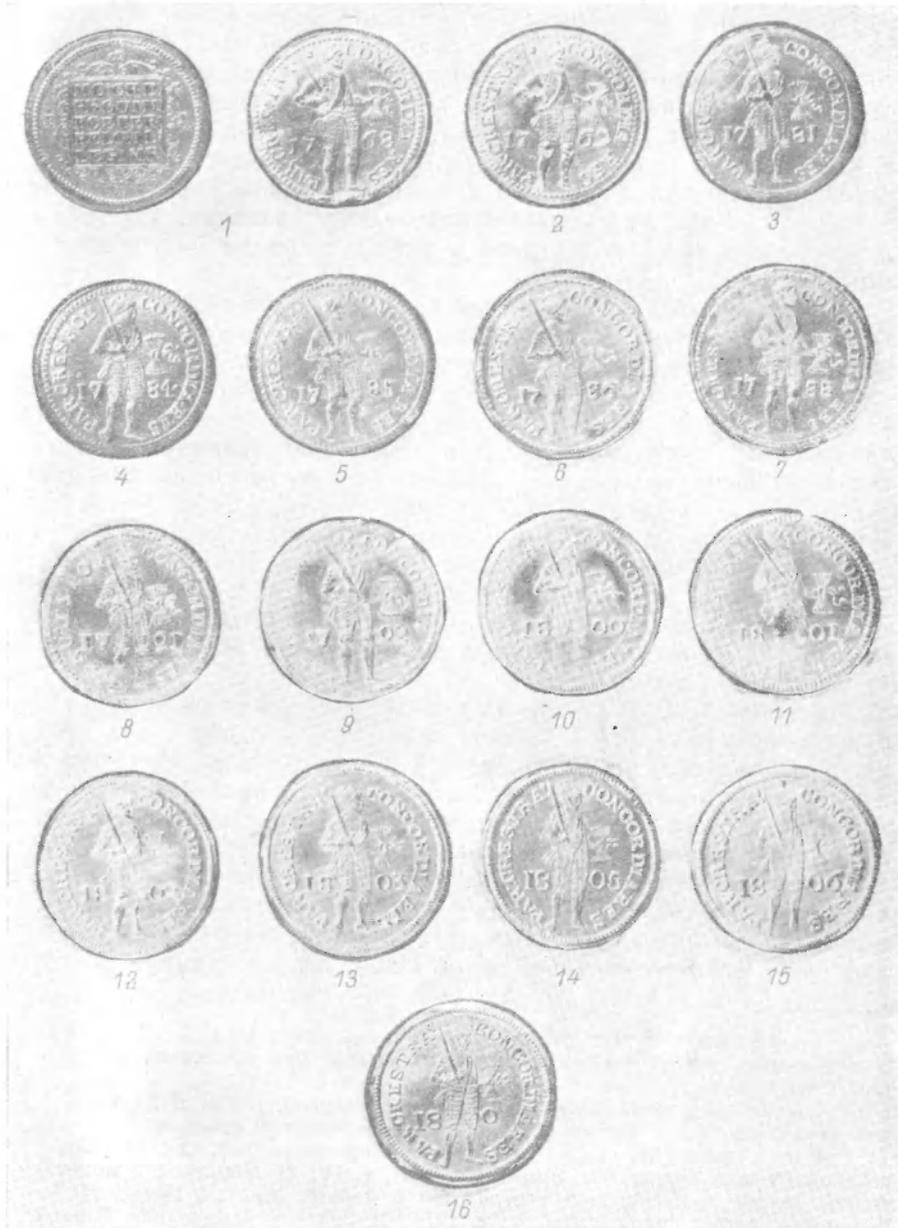
Задача этой статьи — обосновать и защитить другую дату начала чеканки голландских дукатов в России — только в Петербурге. (Когда их чеканили в первый раз, Московский монетный двор уже с золотом дела не имел). В интересах критики положений К. Флуга нужно кратко напомнить основные факты истории дуката как русской монеты, т. е. с 1701 г.

Монетная реформа Петра I удивительным образом совместила самый передовой опыт денежного производства Запада, освоив его технические достижения, метрологические нормы и стандарты западноевропейского денежного дела, с традиционным русским десятичным денежным счетом. Она сохранила и усовершенствовала выработанную в прошедшие века организацию закупки и поставок из-за границы монетного сырья в виде серебряной и золотой монеты. Каждый русский рубль поначалу приводил в казну до двух равных ему по весу и пробе талеров, да еще и не обязательно было платить за серебро серебром: поставщик, не оставаясь в накладе, не отказывался и от меди. А пуд готовой медной монеты (сперва на 12,8 руб., позже на 15,4, потом на 20, а с 1718 г., на 40 руб.) обходился казне не дороже 7 руб. В 1720-х годах за

¹⁶ Van der Wiel A. Valse Nederlandse dukaten, II, s. 58.

¹⁷ Монеты царствования имп. Анны Иоанновны, с. 215. — Очень близкое количество — 78 707 штук — называет одна справка 1786 г. См.: ЧОИДР. 1864, ч. 3, отд. V, с. 101.

¹⁸ Монеты царствования имп. Иоанна III. СПб., 1901, с. 41.

Т а б л и ц а II. 1—16 — оловянные слепки петербургских штемпелей для голландских дукатов 1768—1806 гг.

талер платили уже рубль и больше медью — и не оставались в убытке.¹⁹

Четко и, как может казаться, излишне многословно обозначалось на всех новых монетах, особенно на серебряных, их название-цена (например, «манета добрая цена полтина»), что строго соответствовало накопленным за века русским счетно-денежным понятиям — рублю, гривне, алтыну, копейке и т. п. Исключением в этой системе стал только петровский червонный — дукат. По своей природе международной денежной единицы определенного веса он и не мог иметь выражающего цену названия: она гибка и изменчива, в каждой стране в разные периоды определяется по-своему.²⁰

Ничего подходящего в старой счетной терминологии для дуката не было, так как «червонный» являлся новой, небывалой денежной единицей для русского обращения, хотя сам его прототип — западноевропейский дукат — знаком России с XV в., но не как монета русского обращения: дукаты Запада отчасти служили «валютой» в торговых расчетах на восточных границах, фактически оставаясь транзитным товаром, они же расходовались для субсидий и подачек «ходокам» от православной церкви Востока и Балкан, а также для выкупа пленников и т. п., а внутри страны оставались драгоценным металлом для изделий. В частности, они были сырьем и для Монетного двора, где с конца XV—начала XVI в. регулярно изготавливались русские «золотые» — монетовидные государственные наградные знаки многих видов, прообраз будущих воинских медалей.²¹

До 1740—1750 гг., когда на монетные дворы стало поступать в ощутимом количестве русское золотистое (содержавшее примесь серебра) серебро Кольванского месторождения, Россия все еще не имела своей сырьевой базы монетного производства: ничтожную добычу Нерчинского рудника в сотни раз перекрывал ввоз иностранных талеров и дукатов.²² Первые рублевики 1704—1705 гг. были перчеканенными талерами, но это не была какая-то «престижная» чеканка вроде дуката или корабельника Ивана III, а разумная и прибыльная операция.²³ Первые петровские червонные тоже были по большей части «сменившими мундир» запад-

¹⁹ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4. Л., 1970. — К сожалению, в 1—4-м изданиях этой книги история «лобанчиков» излагается по Розанову.

²⁰ Несколько разновидностей петровского червонного 1716 г., в отличие от других монет Петра, чеканились даже латинской легендой.

²¹ Спасский И. Г. 1) «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси. — Труды Гос. Эрмитажа, 1964, т. IV; 2) Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII, 1976; 3) Золотой с парсуной Бориса Годунова. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1978, вып. 43, с. 55—57.

²² О выплавке на нерчинских заводах серебра с 1701 по 1768 год. — ЧОИДР, 1864, кн. 3. Смесь, с. 94—100.

²³ Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото..., с. 131.

Т а б л и ц а III. Русские дукаты: 1—3 — Петра I (1701, 1712 и 1716 гг.);
 4 — Петра II (1729 г.), 5 и 6 — Анны Иоанновны (1730 и 1739 гг.);
 7 — Петра III (1762 г.); 8 — Екатерины II (1763 г.), 9 — рисунок портрет-
 ного дуката Анны Иоанновны 1730 г. для сенатского указа.

ными дукатами; их золото под давлением штемпеля расплзлось, и они получались излишне тонкими и широкими. (На изготовление дукатов при Петре шло и китайское «коробчатое» золото-песок — табл. III, 1—3).

В XV в. Россия познакомилась с дукатом в его венгерском облике, что запечатлелось и в названии «угорский»; оно уцелело и тогда, когда на первое место вышли голландские монеты в их неизменном после 1586 г. виде. Петр сперва колебался между голландским и «цесарским» (имперским) золотым стандартом, но в документах после 1712 г. становится своего рода стереотипом выражение «против голландских червонцев» или «на голландский манер», что при Петре и после него неизменно означало только следование голландскому золотому стандарту — пробе и весу металла.²⁴

Чеканка петровских червонных — дукатов 93—94-й пробы — производилась до 1718 г. (самый поздний штемпель — 1716 г.), после чего наступил десятилетний перерыв, а из золота выделывались лишь «андреевские» двухрублевники 75-й пробы. В 1729 г. снова появился дукат — червонный — с портретом Петра II (табл. III, 4), и этот номинал спорадически чеканился до конца века. В 1729—1730 гг. все началось как бы сначала: избирался стандарт, определялась обязательная цена червонного для отпуска и приема его в казну и т. д. Указ Анны Иоанновны от 23 декабря 1730 г. предписывал «делать российские (разрядка моя, — И. С.) червонные до указа, пробую и весом против голландских, как и напред сего по 718 год ... и тем, вновь сделанным и прежним... в народе ходить и в казну принимать, до указа, ценою по 2 руб. по 20 коп.»²⁵ (табл. III, 5—6).

Для К. Флуга неотразимым доказательством чеканки голландских дукатов в царствование Анны почему-то стал документ, датированный 14 августа 1730 г.: «Сего августа 12 в Монетной конторе, во учрежденной о монетном деле комиссии, статский дейст-

²⁴ Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г. Сост. М. Деммени. Т. I. СПб., 1887, с. 50, Сенатский, № 2473, 25 января 1712 г.: «... а по сказке пробовального мастера, иноземца Тимофея Левкина, червонные деланные золотые в прошлых годах ... деланы пробую и весом против голландских и цесарских золотых; а в голландских ... в фунте чистого самого золота девяносто два и полтретья золотника, а счетом в фунте по сту по семнадцати и по осьмнадцати золотых, а в цесарских в фунте чистого самого золота девяносто четыре и полпята золотника, а счетом ... в фунте по 118 и по 119 золотых ... Приговорили золотые делать ... против цесарских и о том послать указ».

²⁵ Сборник указов..., с. 144, № 5660. — Авторитет голландского золотого теперь непререкаем. Когда в 1740 г. возникли сомнения относительно червонных Анны 1738 и 1739 гг., для «следствия» (проверки) было приказано закупить у иностранных купцов 67 голландских дукатов (мера выхода из немецкой марки) и «взвешивать и пробировать аккуратно порознь, одного ли весу и пробы явятся и не будет ли в чем разности» (Монеты царствования имп. Иоанна III, № 2).

вительный советник Татищев объявил письменно, что е. и. в., видя представленные от него образцовые червонцы против голландских, указала по именному своему ... указу на монетных дворах делать российские золотые, а какие, о том рассмотреть в Сенате; и от Правительствующего Сената приказано ему (Татищеву, — *И. С.*) о том объявить ... комиссии, которой рассмотреть, нет ли какой противности по тому образцу делать и какую ценю оным ходить, и не будет ли от того, что оные против нынешних золотых (т. е. двухрублевиков 75-й пробы, — *И. С.*) пробою выше, какого убытка... подать в Правительствующий Сенат при доношении».²⁶

На этом дело не кончилось. Комиссия подготовила ответ Сенату, признала нежелательной прямую перечеканку иностранных дукатов («без сплавки перепечатывать»), рекомендовала оценку установить в 2 р. 20 к. «и об оной тем червонным цене ... в народ публиковать печатными листами».²⁷ Итогом всей переписки и явился приведенный выше именной указ от 23 декабря 1730 г., объявленный во всеобщее сведение «печатными листами» с непременно изображением выпускаемых монет (табл. III, 9).

Вполне очевидно, что дело касается исключительно внутреннего обращения. В. Н. Татищев, который тогда совместно с П. И. Мусиным-Пушкиным руководил московскими монетными дворами,²⁸ представлял царице для утверждения пробные образцы дуката с ее портретом. Предвзятость Флуга очевидна, и остается добавить, что ни один из перечисленных им источников не объясняет, откуда взялся 1735 г. как год начала чеканки. Стоит еще отметить, что если даже Екатерине II в ее весьма упорядоченном «хозяйстве» недолго удалось сохранять втайне свой рискованный замысел, то в обстановке двора и правительства Анны Иоанновны о подобном начинании через неделю-другую знал бы весь мир.

На дукаты Елизаветы Петровны Флуг не претендовал, но приписывал возобновление выделки голландских дукатов Петру III. Едва вступив на престол, Петр «повелел немедленно сделать 10 000 червонных по апробованному ... по голландскому маниру червонцу».²⁹ Монетная канцелярия запросила уточнений: из какого золота делать, какую назначить цену дукатам (ввиду ухудшения

²⁶ Монеты царствования имп. Анны... № 12.

²⁷ Там же, № 17 (№ 5660 по ПСЗ); Чертежи и рисунки, принадлежащие к 1-му Полному собранию законов. СПб., 1844, л. 35. — К сожалению, сами «печатные листы» с рисунками монет во всем их разнообразии до сих пор не собраны в единый свод; отпечатанные в Сенатской типографии листы перепечатывались в десятках провинциальных типографий России. На важность этого источника указывал Н. П. Лихачев (Русские монеты... с. 13).

²⁸ Спасский П. Г. На заре русской нумизматики. — В кн.: Русская культура и искусство Петровского времени. Л., 1977, с. 60—61.

²⁹ Монеты царствования имп. Петра III. СПб., 1896, № 22.

пробы и, следовательно, ценности серебряного рубля) и т. д.³⁰ Сенатский указ от 2 апреля гласил: «Во исполнение объявленного в Монетную канцелярию . . . высочайшего е. и. в. указа, оной канцелярии повеленные 10 000 червонных немедленно сделать по апробованному от е. и. в. на голландский манер образцу . . . и велеть тем червонным цену определить по 2 руб. 45 копеек, по которой им в народе хождение иметь, и о том послать указ, а в народ публиковать и для той публикации . . . оным червонным, также империялам и полуимпериялам абдружи и гридированные доски взнести в Сенат немедленно».³¹

Ни в каких объяснениях эти документы не нуждаются: речь идет о русских дукатах Петра III с его портретом (табл. III, 7). Упомянутые в указе империял и полуимпериял появились в русской чеканке при Елизавете Петровне.

Большинство кружков, заготовленных для чеканки дукатов Петра, пошло под такие же портретные штемпели дукатов Екатерины II. Многочисленные документы 1762 и 1763 гг. имеют в виду исключительно ее русские червонные³² (табл. III, 8). Обсуждался даже вопрос об ухудшении пробы металла или уменьшении веса кружков, чтобы не менять принятую оценку червонных, но Екатерина «повелеть изволила те червонные сделать неотменно весом и пробую против голландских червонных».³³

Для новой императрицы руководитель Монетной канцелярии И. А. Шлаттер составил «Историческое описание до монетного дела относящееся по 1761 год».³⁴ Какая-нибудь чеканка иностранных монет в царствование Анны в этом конфиденциальном обзоре не отмечена. Не существовало такой чеканки и в 1763 г., когда Екатерина II запросила мнение Шлаттера о возможности производить (с согласия короля) чеканку польских монет в Петербурге; он забеспокоился, «дабы российскому двору нареkania не понести, якобы чужого государя монеты подделывают».³⁵ Если бы тогда уже чеканились голландские дукаты, такая формулировка была бы невозможна!

Так мы приближаемся к дате, которую несет на себе самый ранний из петербургских штемпелей для голландских дукатов. Эту же дату повторяет один документ большой важности — контракт, заключенный на несколько лет Монетным двором в 1768 г. с петербургским ювелиром Иоганном Балтазаром Гассом (1730—1813),

³⁰ Там же, № 23.

³¹ См.: Сенатский архив, т. II. СПб., 1907, с. 138—139.

³² Монеты царствования имп. Екатерины II. СПб., 1894, № 5, 26 июля 1762 г.: «Велеть для публикации в народ, учиня публичному указу формуляр, также к тем монетам абрисы и по тому гравированные доски взнести в Сенат. . .»; № 8, 8 августа 1762 г.: «. . . переделать в червонные с нашим портретом и гербом в вес против голландских»; № 27, 16 февраля 1763 г.: «. . . переделывать в червонные с нашим портретом».

³³ Там же, № 36, 1 мая 1763 г.; № 40, 12 июля 1763 г.

³⁴ Горный журнал, 1832, ч. 3 и 4.

³⁵ Монеты царствования имп. Екатерины II, № 66.

который понадобился «для вырезывания секретных штемпелей». В 1772 г. Гасс был зачислен штатным медальером и работал до отставки в 1798 г.³⁶ Все говорит за то, что Гасс и был автором первых, екатерининских секретных штемпелей для голландских дукатов!

1768 год — начало русско-турецкой войны; у Екатерины II уже готов был грандиозный план Архипелагской экспедиции — посылки в тыл противника, в Средиземное море и Архипелаг, сформированных в Кронштадте балтийских эскадр.³⁷ Частью этого плана было решение финансирования экспедиции: большую часть сумм в лучших на тогдашнем международном рынке и пригодных для платежей в любом удалении от Петербурга голландских дукатах корабли должны были унести на себе, минуя вексельные переводы через банкиров; но эти дукаты надлежало чеканить на Монетном дворе в Петербурге.

Документы о чеканке 1768 г. остаются пока неизвестными, но от 1770 г. сохранилась целая серия их, засвидетельствовавшая следовавшие один за другим переделы золота в дукаты:³⁸ «... еще 50 000 червонных полным настоящим весом, добротой в пробе золота и чеканом (разрядка моя, — *И. С.*) точно против голландских червонных неукоснительно...» (28 августа), «Делать точно так, как полноценные голландские червонцы» (4 сентября).

Переписка Екатерины II хорошо освещает ее план. В письме от 29 января 1769 г. поверенному в делах при Венецианской республике маркизу Маруцци предлагалось тайно, накопив переводами по частям до 200 000 руб., иметь эту сумму наготове. «Надобно, чтобы те ассигнации (ассигнования, — *И. С.*) всегда в ходячие голландские гульдены исчисляемы были, ибо вам известно, что здесь другого деньгам перевода нет, как через Голландию».³⁹

Перевод огромных сумм через банкиров, не говоря о потерях, раскрыл бы планы экспедиции в точном «денежном» выражении. Лучше было обратиться к переводам в скромных масштабах, чтобы «камуфлировать» появление массы поддельной монеты, перебрасываемой в Средиземноморский бассейн на кораблях!

В письме А. Г. Орлову от 6 мая 1769 г. говорилось: «У нас за деньгами по сих пор не стало, слава богу, сверх двухсот тысяч, кои вам уже ассигнованы, я еще триста тысяч держу для вас в готовности — морских не в счет, для них особые деньги будут».⁴⁰ О таких-то «особых» и болтали в Копенгагене не в меру словоохотливые участники одной из эскадр.

³⁶ Иверсен Ю. Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях. СПб., 1874, с. 12; Шукнина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962, с. 95—96.

³⁷ Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М., 1956, с. 57.

³⁸ Монеты царствования имп. Екатерины II, № 159 — 3 апреля; № 160 — 3 мая; № 162 — 21 июня; № 164 — 6 сентября; № 165 — 4 сентября.

³⁹ Сб. Русского исторического общества, т. I. 1867, с. 13.

⁴⁰ Там же, с. 17.

В переписке расчеты ведутся обычно в рублях; голландские дукаты упоминаются там, где без этого не обойтись. Изредка могут проскользнуть «червонные»: 28 сентября 1769 г. — «... на второй эскадре послано к вам червонных сто тысяч рублей...»;⁴¹ 14 мая 1770 г. — «Мы, избегая всяких при переводах туда денег затруднений, а паче желая, чтобы ни малейшего недостатка в деньгах... не было, приказали всю свою сумму доставить в Венецию и Ливорно в два срока».⁴²

В 1777 г. в адресованном царице письме адмирал Г. А. Свиридов вспоминал об особой мере лежавшей на нем ответственности во время его походов: «При всех сих действиях... не токмо старался я сохранить славу и преимущество оружия российского, но даже сохраняя елико возможно казну вашего величества в толь важном и отдаленном предприятии, во многих случаях с толиким успехом действовал».⁴³

18 июля 1769 г. первая эскадра снялась с якоря на кронштадтском рейде. Картина торжественных проводов стала ярче благодаря исследованию Е. С. Шукиной, выявившей связь с Архипелагской экспедицией долго считавшихся загадочными недатированных золотых офицерских и серебряных матросских медалей с надписью «Потщитесь и низринется!». Подобная золотая медаль эрмитажного собрания больше ста лет покоилась на дне Чесменского залива среди обломков «Св. Евстафия», пока не поднял ее русский водолаз.⁴⁴

А. Г. Орлов писал Екатерине II, что с кораблем погибли «как адмиральские все, так и моих с полтора ста тысяч рублей»,⁴⁵ т. е. в пересчете на дукаты до 60 000 штук. Одним из них, должно быть, был подлинный (полученный от Маруцци!) единственный голландский дукат 1768 г., добытый там же, на дне залива. Он принадлежит Военно-Морскому музею в Ленинграде.⁴⁶

После заключения мира с Турцией, пока часть кораблей оставалась в Средиземном море, немало червонцев пришлось развеять там А. Г. Орлову, чтобы заманить в ловушку оказавшуюся поблизости претендентку на русский престол, выдававшую себя и за дочь Елизаветы Петровны, и за сестру Е. Пугачева, и за воспитанницу персидского шаха. «Архипелагскими» червонцами были оплачены последние в ее жизни долги, и она сделала роковой шаг на борт «Трех иерархов» в Ливорно, став пленницей. Теперь ее путь лежал в Петропавловскую крепость, где чеканились коварные золотые и где она нашла безвестную могилу.

⁴¹ Там же, с. 27.

⁴² Там же, с. 37.

⁴³ Материалы для истории Морейской экспедиции 1770 г. — Русский архив, 1864, с. 566.

⁴⁴ Шукина Е. С. Наградные медали Архипелагской экспедиции 1769—1770 гг. — Труды Гос. Эрмитажа, 1971, т. XII, с. 181—184.

⁴⁵ Сб. Русского исторического общества, т. I, с. 56.

⁴⁶ Огородников С. Ф. Модель-камера, впоследствии Морской музей имени имп. Петра Великого. СПб., 1909, с. 67—68, 71 и 93.

За войной 1768—1774 гг. последовали многие другие войны или дипломатические акции, требовавшие внушительных затрат мировой валюты. Таковой была, по всей вероятности, и отмеченная Н. П. Лихачевым чеканка 1795 г.⁴⁷ Отказаться от рискованной затеи Екатерины II хватило воли только у Павла I: в 1797 г. запас в 10 000 голландских дукатов переделали в русскую монету,⁴⁸ но вскоре эта чеканка возобновилась. В 1801 г. в Грузию вернулись уже побывавшие там русские войска; содержание их исчислялось в рублях, а казне оно обходилось ежегодно в 187 000 голландских дукатов.⁴⁹ По всей вероятности, и кратковременное пребывание русских войск в Грузии в 1780-х годах не обошлось без голландских червонных: поэтому, не мешкая, обратились к ним и в 1801 г. С этого времени дукат, или — уже незасекречиваемый военными — *голландский червонец*, — главная денежная реалья русских финансовых документов на Кавказе.

Грузия испытывала тогда сильнейший недостаток своей разменной монеты, дававшей себя знать еще в конце XVIII в.,⁵⁰ и местные менялы наживались, обирая русских военнопослужащих и чиновников при размене червонных. Именно поэтому же сразу родилась идея учредить в Тбилиси монетный двор для чеканки специальной грузинской серебряной и медной монеты. Он открылся в 1804 г. и работал до 1833 г.⁵¹ Таким образом, петербургские голландские дукаты в монетной системе Грузии XIX в. должны занимать довольно важное место, что в литературе еще не отмечалось. Находки голландских червонцев русской чеканки известны и в Армении.

Через офицеров и чиновников, возвращавшихся с Кавказа в Россию, происходила систематическая утечка в обращение страны еще малоизвестных голландских червонных, и в 1818 г. главным горным начальником Грузии Эйхфельдом впервые было сформулировано требование легализовать обращение этих монет в России, чтобы изжить «разность в монетной системе, существующей в России и в Грузии».⁵² После 1814 г. и возвращавшаяся из заграничного похода армия пополняла обращение страны «лобанчиками».

По всей вероятности, и упоминавшаяся выше чеканка в Петербурге в 1808—1809 гг. турецкой монеты для находившейся в Молдавии армии была не чужда влиянию опыта чеканки голландских червонцев.

⁴⁷ Лихачев Н. П. Русские монеты..., с. 11.

⁴⁸ Монеты царствования имп. Павла I. СПб., 1890, № 19—21.

⁴⁹ Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканенные для Грузии 1804—1833. СПб., 1893, № 17.

⁵⁰ Северова М. Б. Медные монеты иранских городов с надчеканенным двуглавым орлом. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 183—197.

⁵¹ Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты, чеканенные для Грузии, № 3, 8, 9 и 21.

⁵² Там же, № 23 и 25.

Чем дальше, тем привычнее становились голландские червонцы в государственной казне и в «кабинетских» суммах императорской семьи, а приостановка чеканки дуката в самой Голландии снимала, казалось, уже всякие опасения. Беспрепятственная чеканка чужой монеты затянулась ровно на 100 лет, но дукаты 1760—1770-х годов остаются памятниками русской военной истории и славной Чесменской победы.

Б. Д. ЕРШЕВСКИЙ

ОБ АТРИБУЦИИ НОВГОРОДСКИХ ПЕЧАТЕЙ И ПЛОМБ XII—НАЧАЛА XIII в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ

Вислые свинцовые печати служат важнейшим источником для истории средневековой Руси, особенно для истории Новгорода, из которого происходит основная часть сфрагистического материала.

Заметную в количественном отношении группу булл, вошедших в Корпус древнерусских актов печатей¹ (59 экз.), составляют буллы, несущие на одной стороне изображение патронального святого, тезоименитого ее владельцу; обратная сторона занята изображением княжеской тамги. Почти вся эта группа происходит из находок на Городище под Новгородом, что уже служит хорошим датирующим признаком, так как изобилие булл, обнаруженных на Городище, приходится на XII в., т. е. на то время, когда оно становится княжеской резиденцией и когда там оформляется княжеский архив, в котором хранились документы государственного значения, скрепленные актовыми печатями.

Время бытования наших памятников В. Л. Янин относит к XII—началу XIII в.²

Из находок на Городище происходят 37 свинцовых пломб-печатей, несущих на одной стороне голову или поясное изображение патронального святого, тезоименитого их владельцу; обратная сторона занята княжеским знаком.³ Одна пломба-пе-

¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, с. 132—146, табл. 67 (283—291), табл. 68 (292—295), табл. 69 (296—303), табл. 70 (304—311). — В статье нумерация печатей соответствует их изданию в Корпусе.

² Там же, с. 132—133.

³ Археологические фонды НГОМЗ — 18 экз., инв. № 2П-4, 2П-83, 2П-87, 2П-88, 2П-95, 2П-110 (табл. I, 7—6), 2П-111, 2П-125, 2П-126 — знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев; 2П-13, 2П-124, 2П-127, 2П-129 (табл. I, 7—10) — знаки колоколовидной формы в виде двузубцев; 2П-3, 2П-78, 2П-133 (табл. I, 11—13) — знаки в форме багра. ГИМ, Отдел пумпнатики, инв. № 99453/п-175, 99453/п-178, 99453/п-182, 99453/п-189,